

УДК 316.2

Формы глобального академического неравенства в информационном обществе

А. А. Широканова, аспирант*

Исследования научной коммуникации выявили существование механизмов организации отношений власти в науке, таких как «эффект Матфея» и «невидимые колледжи». Цель данной статьи — выяснить, образуются ли новые «невидимые колледжи» в результате распространения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и каким образом возможна демократизация производства знания в социальных науках, учитывая глобальный цифровой разрыв и гегемонию североамериканского и западноевропейского знания об обществе. В первой части статьи проводится обзор роли абстрактного научного знания в теориях информационного общества. Во второй части представлена теория академической зависимости в приложении к восточноевропейским социально-гуманитарным наукам. На данных Всемирных докладов по социальным наукам выясняется, что в 2000-е гг. в восточноевропейских социальных науках образовалась однонаправленная зависимость от западных исследований. В третьей части данные об использовании ИКТ в разных частях света сравниваются с белорусской выборкой (n = 429) ученых Национальной Академии Наук и Белорусского государственного университета. Показано, что на 2012 г. 90 % белорусских ученых использовали Интернет в научных целях раз в неделю и чаще, 45 % участвовали в международных исследованиях (с большей вероятностью — англоговорящие профессора-мужчины 50 лет и старше). Исследование освещает наблюдаемую академическую зависимость социальных наук в Восточной Европе. На основе полученных данных делается вывод, что увеличения заметности национальных исследований можно достичь путем развития региональных исследований и поддержки публикаций в индексируемых англоязычных журналах.

Ключевые слова: академическая зависимость, информационное общество, ИКТ в науке, научная коммуникация, цифровой разрыв.

The Shape of Global Academic Inequality in the Information Society

A. A. Shirokanova, Postgraduate Student

Previous research on scholarly communication revealed mechanisms in organizing power relations in science such as the Matthew effect and invisible colleges. This paper aims to establish whether new invisible colleges are created as a result of the spread of ICTs and how the democratizing effect of ICTs can be obtained in the social sciences, given the global digital divide and the hegemony of North American and Western European social sciences. The first part reviews the key role of abstract scientific knowledge in the information society. In the second part, the theory of academic dependency is introduced as applied to Eastern European social sciences and humanities. The data from World Social Science Reports are reviewed to discover the dependency on Western scholarship taking shape in the 2000s among the Eastern European social scientists. In the third part, empirical data on the ICTs' use in science across the world are compared with a Belarusian sample (n = 429) from the National Academy of Sciences and Belarusian State University. The survey showed that, as of 2012, 90 per cent of Belarusian scholars used the Internet for scientific purposes at least once a week and 45 per cent were engaged in international research (among those, most likely were English-speaking male professors 50 years old and over). This research highlights the current dependence of the Eastern European social sciences. Basing on these results, it can be recommended that, to enhance the international visibility, regional research be supported and more papers be published in peer-reviewed English-language journals.

Keywords: academic dependency, digital divide, information society, ICTs in science, scholarly communication.

* Аспирант кафедры социологии. Научный руководитель — доктор социологических наук, профессор А. В. Рубанов.

Интенсивное развитие коммуникационных технологий изменяет повседневные практики научной коммуникации, усиливает значение сетевых структур, однако не изменяет механизмов распределения внимания и символического вознаграждения в зависимости от социального статуса ученого: выдающиеся фигуры в науке получают львиную долю внимания и цитирования, в то время как большая часть работ других авторов остается незамеченной («эффект Матфея», по Р. Мертону [1, р. 57—58]). Ученые ссылаются друг на друга, образуя «невидимые колледжи» [2], то есть неформальные институты коммуникации. Развитие ин-формационно-коммуникационных технологий (ИКТ) потенциально позволяет принимать участие в развитии науки ученым из всех стран в равной степени. Однако на практике проявляется неравенство в доступе к электронным научным ресурсам и новому знанию, доступному онлайн [3]. Социальные структуры в научной коммуникации встраиваются в электронную коммуникативную среду таким образом, что если демократизация научной коммуникации и может произойти благодаря ИКТ, то лишь при институциональном стимулировании международной деятельности ученых.

Информационный критерий развития: от технократической теории — к политическому лозунгу. Роль научного знания подчеркивается в теориях развития общества, начиная с концепции постиндустриального общества согласно которой теоретическое научное знание становится движущей силой развития экономики [4]. Впоследствии внимание социологов переместилось с изменений в экономике на информатизацию как процесс, лежащий в основе социальных преобразований. Й. Масуда, прозванный «отцом информационного общества», прогнозировал, что всеобщая компьютеризация создаст условия для «массового созидания знаний» [цит. по: 5, с. 95—96]. Информатизация стала центральной идеей концепции сетевого общества М. Кастельса, представленной в середине 1990-х гг., когда Интернет уже быстро развивался по всему миру.

Кастельс говорит о формировании информационного капитализма, где научные сообщества реорганизуются в глобальные сети. По Кастельсу, именно сетевая форма организации, состоящей из свободно связанных звеньев, позволяет добиться необходимой гибкости [6, с. 237]. В результате сжатия времени и синхронизации социальных практик образуются «пространство потоков» и «безвременное время», и хотя люди живут в конкретных местах, но власть, деньги и информация организуются вокруг потоков, соединяющих отдаленные точки, и объединяют их в общую логику [7, р. 243—244].

Можно выделить следующие черты информационного общества:

1) компьютеризация высвобождает время людей, которое они могут использовать для саморазвития, так как вместе с изменением технологии изменяются ценности;

2) растет престиж и применение абстрактного знания, связанного с развитием технологий и удовлетворением нематериальных потребностей;

3) возрастает количество субъектов социального действия;

4) новые социальные инициативы принимают форму сети — гибкой социальной структуры с небольшим количеством уровней иерархии.

Обсуждая понятие «информационное общество», Ф. Уэбстер приходит к выводу о том, что информация «стала играть основную, стратегическую роль в нашей деятельности» [8, с. 359], но большинство принятых критериев развития информационного общества носят отпечаток технократического детерминизма, ошибочно рассматривающего технологическое развитие независимо от социальных отношений и ценностей [8, с. 371]. Переход количественного роста информации в социальное качество еще требует доказательства, но высокая роль абстрактного знания — это содержательно определяющая черта современного общества [8, с. 38]. Абстрактное знание шире, чем научное и техническое; оно позволяет оценивать риски, делать оценки и принимать решения и «имеет мало общего с информационными технологиями, сдвигами в структуре занятости или информационными потоками» [8, с. 371].

С социологическим осмыслением понятия «знание» возникают большие трудности. Во-первых, наиболее детально вопросы технологического использования знания рассматриваются в рамках экономической теории (концепция «экономики, основанной на знаниях») и теории менеджмента («управление знаниями») [9, с. 38]. Во-вторых, понятие «общества, основанного на знаниях» имеет описательный характер: «Единственная конкретная характеристика [...] — это ИКТ, т. е. информационная и коммуникационная технология, продвижение которой в разных странах представляется как самое эффективное средство преодоления „цифрового разрыва“ и устранения существующих в них неравенства и отсталости» [10].

Значимость концепции информационного общества была отмечена конференциями на высшем уровне и нашла отражение в специальных докладах для ЮНЕСКО [7; 11]. В программных документах понятие «информационное общество» в 2000-х гг. вытесняется понятием «общество знания», становясь инструментом политики, однако

суть нового понятия остается слабо конкретизированной. С учетом указанных ограничений здесь и далее употребляется понятие «информационное общество» как более широкое по значению и употреблению, чем «общество знания» или «сетевое общество», и более современное и конкретное, чем «постиндустриальное общество».

Глобальный цифровой разрыв и академическое неравенство. Существенной чертой современного общества является увеличение социального неравенства, противоположное обещаниям ранней информационной эпохи [7, р. 242]. Начиная с 1990-х гг. исследователи обращают внимание на «цифровой разрыв» — неравенство в использовании ИКТ по критериям класса, страны, пола, возраста: «дифференциация между „Интернет-имущими“ и „Интернет-неимущими“ добавляет еще один фактор раскола к уже имеющимся источникам неравенства» [12]. Цифровое неравенство включает в себя не только доступ к Интернету, но и его качество, выраженное в наличии соответствующих компетенций, скорости соединения, доступе к необходимым ресурсам [13]. В противоположность оптимистическим прогнозам о прорывном эффекте Интернет-коммуникаций [14], использование Интернета зависит от социально-экономических оффлайновых отношений [13, с. 114; 15, р. 54]. Для ученых многих стран нерешенными остаются проблемы языковой компетентности, получения доступа к новейшим публикациям, а также вопросы авторитета электронных научных изданий. Все эти черты складываются в картину глобального цифрового неравенства.

В научной коммуникации развитие Интернета произошло на фоне интенсивного развития науки [16, р. 159]. С 1947 по 1978 г. ежегодный рост количества научных журналов достиг такого объема, что их количество возросло вдвое всего за 24 года [16, р. 155; 17, р. 262]. На 2009 г. общий объем опубликованных научных статей оценивался в 50 млн, а ежегодное количество публикуемых научных статей — в 1 млн [17, р. 262].

Для определения качества научных публикаций приняты индексы цитирования (в социальных науках — SSCI). Во многих учреждениях мира они являются веским аргументом для построения научной карьеры. Востребованность индексов цитирования в науке вылилась в их коммерциализацию, а принципы отбора изданий для подсчета индексов в социальных науках подвергаются критике за асимметричный выбор в пользу англоязычных журналов, американских и европейских изданий [3, р. 467; 11, р. 145—146]. Доминирование английского языка в социальных науках — это свершившийся факт: он используется в 85 % жур-

налов по социальным наукам из международной базы Ulrich и в 94 % журналов, входящих в SSCI (в 2000-х гг.); далее с отставанием идут французский и немецкий, среди славянских языков — польский язык [11, р. 151]. Таким образом, отношения власти и соперничества в науке смешиваются с целями сотрудничества и дискуссии с целью коллективного определения научного знания.

Электронные публикации расширяют аудиторию читателей, однако не могут противостоять престижу научных журналов, пока публикации в последних требуются для продолжения научной карьеры и на деле служат усилению коммуникации внутри богатых стран [3, р. 469]. Угроза углубления неравенства для развивающихся стран связана, во-первых, с недостатком технической инфраструктуры; во-вторых, с отсутствием признания важности проблемы со стороны государства; в-третьих, с необходимостью использования иностранного языка в публикации; наконец, с цифровым неравенством внутри страны — «сосуществованием первого и третьего мира» в одном государстве, что грозит расцветом «империализма, основанного на знании» [13, с. 112—113]. Проблемы отсутствия технической инфраструктуры в 1990-х гг. сменяются вопросом компетенций и преодоления социальной инерции в 2000-х гг.

Наиболее заметны для глобального научного сообщества статьи из журналов, обладающих импакт-фактором, однако вероятность публикации в них связана с регионом проживания ученого. Чаще всего язык публикаций — английский, реже — испанский, немецкий, французский. Барьер для остальных ученых двойной: с одной стороны, языковая и региональная асимметрия и высокие требования журналов, с другой — отсутствие финансовой, интеллектуальной, языковой поддержки и карьерных перспектив для ученых из стран третьего мира, в результате чего на сегодняшний день в социальных науках утвердилось доминирование стран Запада [11, р. 146].

Несмотря на развитие Интернета и падение «железного занавеса», сотрудничество в социальных науках сохраняет четкую структуру «центр — периферия» [11, р. 147—148]. В крупнейших базах журналов Ulrich (2004) и SSCI (1998—2007) на долю Западной Европы приходится 44 %, Северной Америки — 42 %, СНГ — 0,2 % всех журналов [11, р. 150], а список в основе индекса цитирования ориентирован на журналы Великобритании, США и Канады. СНГ как регион находится на пятом (из семи) месте в рейтинге Web of Science по количеству статей по социальным наукам, написанных в сотрудничестве с учеными других континентов: за 2004—2008 гг. из СНГ было опубликова-

но 2337 таких статей, в том числе 156 — по социологии (в Западной Европе по социологии — 509, в Северной Америке — 626) [11, р. 145]. Всего в SSCI на долю Северной Америки приходится 52 % статей, Западной Европы — 38 %, СНГ — 1,2 % [11, р. 150]. Количество статей из СНГ в журналах составило 2962 за 1988—1997 гг. и 2826 за 1998—2007 гг. (меньше), хотя для всех остальных регионов мира был характерен рост числа публикуемых работ [11, р. 152]. Мизерная доля (0,2 %) журналов из СНГ отражает языковой барьер и, вероятно, наследие холодной войны: в 1990-е гг. ученые из СНГ ссылались друг на друга, затем появилась односторонняя зависимость цитирований от США и Канады, цитирования внутри региона значительно сократились [11, р. 153]. Таким образом, в социальных науках усилилась зависимость «центр — периферия», а новые возможности сотрудничества повысили продуктивность ученых из Северной Америки и Западной Европы. Парадокс социальных наук заключается в том, что локальные объекты — в отличие от естественных наук — лучше изучать местным исследователям, используя местные ресурсы, даже если их видимость на мировой арене остается низкой, а излишняя интернационализация социальных наук может выхолостить содержание изучаемых проблем [Там же].

Индексы цитирования, несмотря на критику, остаются международно признанным критерием качества научных результатов, и заметность ученых всего мира выражается в англоязычных публикациях в западных журналах. Асимметричный характер глобализации научной коммуникации состоит в том, что ученые из богатых стран уделяют мало внимания статьям, опубликованным в «периферийных» журналах [18, р. 1418], а утверждение социальных теорий из стран глобального Севера происходит через игнорирование опыта периферий [19, р. 213]. Более того, ученые периферии часто отвечают тем же: публикации в западных журналах являются для их карьеры менее значимыми, чем публикации в местных журналах [20, р. 229]. Наиболее эффективным способом заявить о научном открытии является публикация на английском языке в журналах с высокой цитируемостью («импакт-фактором») и высоким уровнем отклонения рукописей: публикуясь в них, ученые с периферии могут использовать «эффект Матфея», получая большее количество цитирований за счет известности журнала [18, р. 1418]. При сложившейся системе научной коммуникации значимую роль в расширении свободного доступа к научным знаниям играют открытые архивы (так, с 1991 г. действует arXiv.org), однако вопросы не-

равного доступа к ведущим журналам и расширения политики «открытого доступа» являются частью большего феномена академической зависимости в развитии науки.

Концепция глобальной академической зависимости выросла на основе постколониализма — течения в социально-гуманитарном знании, направленного на критику колониализма в развитии научного знания. Цель постколониальных исследований — «преодоление универсализма, эссенциализма, детерминизма, асимметричности исторических и географических моделей, проявлявшейся в идее центральности Европы», что влечет за собой критику объективизма, эволюционизма, классической теории модернизации с целью подорвать идею о культуре как о гомогенной среде [19, р. 221—224; 21, с. 258—259].

Хотя постколониальные исследования развивались в первую очередь в бывших колониальных странах Азии, Африки, Латинской Америки [19; 22], они получили осмысление и в «квазиколониальной» Центральной и Восточной Европе [23, р. 12]. Среди причин гегемонии здесь пиетет местных теоретиков перед теориями научного «центра», превознесение себя эмпириками как экспертов локального контекста и пренебрежение сравнениями [23, р. 7—8]. Как считает антрополог М. Буховски, «подчиненный статус ученых в постсоциалистических странах по отношению к западным коллегам является фактом», который ведет к интеллектуальному доминированию Запада, воспроизводству иерархий знания и однонаправленному потоку идей [23, р. 12].

Видение иерархий знания, включающее несколько центров и меньшинств, предлагает Э. Неступны, описывая научные сообщества мейнстрима и меньшинств в европейской археологии и проблемы коммуникации между ними [24]. Различия между ними не равносильно языковым, парадигмальным или национальным границам: сообщества мейнстрима определяются количеством исследователей и профильных факультетов, связями с представителями других дисциплин, доступом к новейшей литературе, стабильным финансированием; их представители говорят на общем языке, организуют международные встречи для устного распространения актуальных результатов, а предметом их исследований часто выступают большие регионы, проводится анализ кросс-культурных материалов [24, р. 15]. Сообщества меньшинства могут внести лишь незначительный вклад в науку, поскольку, во-первых, преимущественным для них является цитирование мейнстрима, во-вторых, создание новых парадигм по силам лишь мейнстриму (меньшинства работают

в готовых парадигмах), в-третьих, мейнстрим намного эффективнее воспроизводится в образовании. Эффект такой коммуникации — взаимная изоляция научных сообществ: образуются самодостаточные группы сообществ мейнстрима, а меньшинства должны перенять принятый круг проблем и концепций, их стандарты коммуникации, систему авторитетов [24, р. 18—22]. Социальное знание, произведенное на периферии, считается частным случаем, не обладающим общей ценностью. Доминирующие сегодня паттерны производства знания отражают сильно стратифицированное разделение интеллектуального труда, которое не передает реальность адекватно [25, р. 617—621]. Наблюдаемая изоляция подавляет развитие науки, и в постсоветском контексте эта тенденция «принимает лишь более явные, грубые формы» [26, с. 47—49], так как наблюдается еще и отличное от западного отношение к стандартам презентации и анализа данных [7, р. 92].

Региональная дифференциация социальных и гуманитарных дисциплин напрямую связана с их предметом [20; 24, р. 18]. Подобные особенности объясняют не только глобальное распределение власти в научной коммуникации, но и аргументацию в пользу развития региональных центров знания. Если для естественнонаучных дисциплин ориентация на единую иерархию научных журналов диктуется общим предметом исследования, то для социально-гуманитарных дисциплин под вопрос ставится не только различная повестка дня, но и то, **кто имеет право голоса** выступать от имени всей дисциплины.

Этот вопрос был поставлен в дискуссии об академической зависимости учеными из Австралии, Германии, Индии, Сингапура (ученые, отстаивающие концепцию академического неравенства, представляют страны полупериферии — меньших центров на научной карте мира). Цифровое неравенство усиливает академическую зависимость в социально-гуманитарных науках.

С. Ф. Алатас предлагает «пять альтернатив доминированию мейнстримных теорий для анализа незападных обществ»: 1) развитие локальных теорий, адаптированных к исследованию региона; 2) смешение локальных и западных теорий, адаптированных к изучению региона; 3) смешение незападных и западных теорий, адаптированных к исследованию различных регионов; 4) развитие незападных теорий, адаптированных к изучению разных регионов; 5) развитие универсальной теории на основе изучения одного региона [22, р. 171—172]. В развитии местного теоретизирования Алатас видит освобождение социальных наук и способ достижения «истинного универсализма».

Использование ИКТ в науке как критерий цифрового неравенства: сравнительный контекст. Интернет играет важную роль в получении информации и обеспечении даже локальной научной коммуникации. В обществах с низким уровнем развития Интернета для обмена информацией и неформальной коммуникации служат международные конференции [28, р. 419]. Ученые в «центральных» странах и учреждениях более интенсивно и широко используют Интернет. Различия в интенсивности использования Интернета отражают сочетание факторов инфраструктуры и инвестиций, а также различия в академической культуре [15, р. 46—47]. Кастель подчеркивает, что Интернет расширяет возможности уже существующих социальных процессов, включая неравенство и социальное исключение [7, р. 236]. Для сравнения приведем результаты международных исследований использования ИКТ учеными в Европе, Азии, России и Беларуси. Можно ожидать, что степень использования Интернета связана с заметностью в глобальном интеллектуальном ландшафте.

В сравнительном исследовании по Европе (Великобритания, Германия, Дания, Ирландия, Италия, Нидерланды, Швейцария) в 2003 г. было выявлено, что частота использования Интернета слабо связана с академическим статусом, но положительно связана с научной продуктивностью [29, р. 1360]. Половина всех опрошенных в 2000—2001 гг. участвовали в проектах с учеными из других организаций. Широкой сети сотрудничества соответствовал более высокий уровень неформальной Интернет-коммуникации (но зависимость была нелинейна). Интернет использовался европейскими учеными повсеместно; молодые ученые без степени и женщины-ученые использовали Интернет реже. Был сделан вывод, что «невидимые колледжи» успешно перекочевали и в Интернет [29, р. 1362—1363].

Сравнение ученых из Сингапура, Индонезии и Малайзии (2005) продемонстрировало внутреннее неравенство в использовании Интернета и указало на проблему не только международных, но и внутренних научных «центров» и «периферий»: учреждения, расположенные в столице, имеют больше стабильных внешних связей [13, с. 113; 15, р. 50]. Уровень внутреннего академического неравенства пропорционален масштабам страны и обратно пропорционален связанности ее научных центров. На важность этой проблемы для Беларуси указывает тот факт, что 75 % белорусских исследователей базируются в Минске. Создание трансграничных университетских партнерств в областных центрах способствовало бы росту исследова-

дований, интенсификации научного обмена внутри республики, а также росту спроса на научные кадры в регионах. Например, Сингапур, где доля приезжих ученых составляет 75 %, является центром коммуникации Юго-Восточной Азии и посредником между местными и западными исследователями [15, р. 53].

Российские исследования Интернет-коммуникаций обладают наибольшей сравнительной значимостью для Беларуси. В институтах РАН частота использования Интернета замерялась в 1994, 1998 и 2001 гг., и вновь обнаружилось, что наиболее продуктивные ученые были и самыми активными пользователями Интернета [30, с. 129]. К концу 1990-х гг. 75 % ученых использовали Интернет, из них 97 % пользовались электронной почтой, причем 58 % ученых общались по электронной почте с коллегами из России. В 2001 г. завершился процесс включения ученых РАН в электронные сети (хотя в российском обществе дискуссия об информационном обществе только начиналась) [30, с. 135]. ИКТ зарекомендовали себя как коммуникативное дополнение, которое отражает профессиональную деятельность: активные пользователи со временем улучшили показатели по количеству публикаций и международных грантов. Сделанные выводы касаются ведущих институтов РАН; ситуация «в среднем» выглядит хуже [30, с. 137–138].

В конце 2012 г. нами был проведен опрос ученых об использовании Интернета в институтах НАН Беларуси и в БГУ (опрошено 429 ученых, из них 190 в БГУ и 239 в НАН, в том числе 90 докторов наук, 180 кандидатов наук), результаты которого можно распространить на ученых, работающих в Минске. Обследованные институты НАН наиболее сильны с точки зрения зарубежного сотрудничества, публикаций в реферируемых журналах; БГУ является ведущим вузом Беларуси. Данные по двум учреждениям анализируются вместе.

Как показал опрос, 90 % ученых используют Интернет для научных целей раз в неделю и чаще, причем 70 % — каждый день (80 % — среди ученых до 35 лет, 60 % — 36–49 лет, 70 % ученых 50–80 лет, что может быть связано с большой трудовой нагрузкой ученых среднего возраста). На 2012 г. в международных исследованиях участвовали 45 % опрошенных ученых (в том числе 75 % из тех, кто использует Интернет ежедневно); чаще это доктора наук (70 % всех докторов наук, 46 % кандидатов наук и 27 % ученых без степени; $r = 0,36$, $p = 0,000$). По возрасту 46 % ученых старше 60 лет, 54 % ученых находятся в возрастном диапазоне 50–60 лет, 41 % ученых 33–49 лет и 34 % — младше 34 лет. Среди тех, кто свободно говорит

по-английски, постоянные пользователи Интернета составляют 81 %. Не найдено различий в использовании Интернета по гендерному или статусному принципу.

Для общения с коллегами 97 % ученых используют электронную почту, 41 % — Skype, 15 % пользуются электронными сетями (наиболее популярной является Facebook, где зарегистрированы 25 % опрошенных), 10 % пользуются специальными социальными сетями (8 % всех ученых зарегистрированы в LinkedIn). В поиске литературы 85 % опрошенных полагаются на обычные поисковые сервисы, 41 % — на личные контакты, специализированные сервисы используются реже. Основные цели использования Интернета — поиск литературы (94 %), информация о конференциях (78 %) и коммуникация с другими учеными (61 %).

Среди тех, кто занят в международных проектах, три четверти (74 %) используют Интернет для коммуникации с коллегами (в среднем — 61 %). В этом участники международных проектов отличаются от других ученых, однако на частоту публикаций в Интернете участие в проектах не влияет (свои работы размещают онлайн около 30 % ученых). Среди стран, с которыми реализовывалось сотрудничество, 86 % проектов приходится на страны бывшего СССР, 52 % — на Западную Европу и Северную Америку, 19 % — на Центральную Европу. По сравнению с российскими данными, в Беларуси основная доля контактов приходится на постсоветские страны; затем следуют не США (8 %), а страны Европейского Союза (44 %).

Особо стоит подчеркнуть, что в выборке не выявлено различий по частоте использования Интернета или участия в проектах среди ученых-естественников и гуманитариев, хотя среди ученых со степенью естественники используют Интернет чаще гуманитариев (78 % против 65 %), что может быть связано с большей интернационализацией естественных наук. Более активно используют Интернет в работе физики (84 % — ежедневно), историки (71 %), лингвисты и филологи (69 %), менее активно — философы, социологи и психологи (53 %). Таким образом, при проникновении Интернет-коммуникаций в научную повседневность сохраняются и дисциплинарные особенности применения Интернета.

Выводы. Осмысление современного общества как информационного тесно связано с развитием абстрактного теоретического знания, в развитии которого определяющую роль играет наука. Единственным общим критерием развития информационного общества является развитие ИКТ. В последние годы внимание также стало уделяться

проблеме глобального цифрового разрыва в академической среде.

Доминирование англоязычных западных журналов, с одной стороны, и отсутствие достаточной институциональной поддержки — с другой определяют низкий уровень публикаций в журналах с импакт-фактором по социальным наукам среди ученых СНГ. Теория глобальной академической зависимости предлагает преодолеть сложившуюся ситуацию путем развития региональных научных связей и создания теорий на основе локального контекста.

Практическое исследование внедрения ИКТ в научную коммуникацию в разных регионах мира показывает наличие внутреннего цифрового разрыва внутри стран, а также связь участия в международных проектах (по этому критерию СНГ занимает одно из последних мест) с использованием ИКТ в научной деятельности.

Сегодня большинство белорусских ученых используют Интернет в научной деятельности ежедневно. Наиболее активно используют Интернет молодые ученые, наименее активно — ученые в возрасте 34—49 лет. В международных проектах чаще участвуют профессора-мужчины 50 лет и старше, владеющие английским языком. Основные страны-партнеры — бывший СССР (86 %) и Западная Европа (44 %). Участники международных исследований значительно чаще используют Интернет для неформальной коммуникации. В целом процент внедрения Интернет-коммуникаций достаточно высок, однако освоение более сложных средств коммуникации (Skype, социальные сети, электронные публикации) находится на невысоком уровне. Возможность демократизации производства научного знания с помощью ИКТ связана с увеличением заметности белорусских ученых в мировых научных журналах и активным расширением региональных научных связей.

Список цитированных источников

1. Merton, R. K. The Matthew Effect in Science / R. K. Merton // *Science*. — 1968. — Vol. 159. — P. 56—63.
2. Прайс, Д. Дж. Сотрудничество в «невидимом колледже» / Д. Дж. де С. Прайс, Д. де Б. Бивер // *Коммуникация в современной науке*. — М., 1976. — С. 335—350.
3. Arunachalam, S. Information and knowledge in the age of electronic communication: a developing country perspective / S. Arunachalam // *Journal of Information Science*. — 1999. — Vol. 25. — No. 6. — P. 465—476.
4. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. — М., 1999.
5. Героименко, В. А. Знание. Компьютер. Общество / В. А. Героименко, А. А. Лазаревич, Л. Г. Титаренко. — Минск, 1992. — 151 с.
6. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
7. World Social Science Report 1999 // Paris: UNESCO, Elsevier [Electronic resource]. — 1999. — Mode of access: <http://unesdoc.unesco.org/images/0011/001163/116325e.pdf>. — Date of access: 01.01.2013.
8. Уэбстер, Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер. — М., 2004.
9. Басов, Н. В. Основные подходы к изучению общества знания / Н. В. Басов // *Общество знания: от идеи к практике: в 3 ч.* — Ч. 1: Основные контуры концепции общества знания / под ред. В. В. Васильковой, Л. А. Вербицкой. — СПб., 2008. — С. 29—59.
10. Агацци, Э. Идея общества, основанного на знаниях / Э. Агацци // *Вопросы философии* [Электронный ресурс]. — 2012. — № 10. — С. 3—19. — Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=613&Itemid=52. — Дата доступа: 02.12.2012.
11. World Social Science Report: Knowledge Divides // Paris: UNESCO, 2010 [Electronic resource]. — Mode of access: <http://unesdoc.unesco.org/images/0018/001883/188333e.pdf>. — Date of access: 22.12.2012.
12. Кастельс, М. Цифровой разрыв в глобальной перспективе / М. Кастельс // *Галактика Интернет* [Электронный ресурс]. — 2004. — Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001024/st000.shtml>. — Дата доступа: 01.01.2013.
13. Расселл, Дж. М. Научная коммуникация в начале XXI века / Дж. М. Расселл // *Междунар. журн. соц. наук*. — 2001. — № 35. — С. 103—116.
14. Gresham, J. From Invisible College to Cyberspace College: Computer Conferencing and the Transformation of Informal Scholarly Communication Networks / J. Gresham // *Interpersonal Computing and Technology Journal*. — 1994. — Vol. 2. — No. 4. — P. 37—52.
15. Thompson, E. C. Internet-Mediated Networking and Academic Dependency in Indonesia, Malaysia, Singapore and the United States / E. C. Thompson // *Current Sociology*. — 2006. — Vol. 54. — No. 1. — P. 41—61.
16. Mabe, M. Growth dynamics of scholarly and scientific journals / M. Mabe, M. Amin // *Scientometrics*. — 2001. — Vol. 51. — P. 147—162.
17. Jinha, A. E. Article 50 million: An estimate of the number of scholarly articles in existence / A. E. Jinha // *Learned Publishing*. — 2010. — Vol. 23. — P. 258—263.
18. Kirchik, O. Changes in Publication Languages and Citation Practices and Their Effect on the Scientific Impact of Russian Science (1993—2010) / O. Kirchik, Y. Gingras, V. Larivière // *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. — 2012. — Vol. 63. — P. 1411—1419.
19. Connell, R. Southern Theory: the global dynamics of knowledge in social science / R. Connell. — Cambridge: Polity Press, 2007. — 271 p.
20. Titarenko, L. Post-Soviet Sociology as a Pattern of 'Another Sociology' / L. Titarenko // *The Shape of Sociology for the 21st Century* / ed. by D. Kalekin-Fishman, A. Denis. — London: SAGE, 2012. — P. 218—237.
21. Ионов, И. Н. Постколониальная критика и трансформация цивилизационных представлений / И. Н. Ионов // *Диалог со временем*. — 2010. — № 30. — С. 257—274.

22. *Alatas, S. F.* Academic Dependency and the Global Division of Labour in the Social Sciences / S. F. Alatas // *Current Sociology*. — 2003. — Vol. 51. — P. 599—613.

23. *Buchowski, M.* Hierarchies of Knowledge in Central-Eastern European Anthropology / M. Buchowski // *Anthropology of East Europe Review*. — 2004. — Vol. 22. — № 2. — P. 5—14.

24. *Neustupny, E.* Mainstreams and minorities in archaeology / E. Neustupny // *Archaeologia Polona*. — 1997—1998. — Vol. 35—36. — P. 13—23.

25. *Baber, Z.* Provincial Universalism: The Landscape of Knowledge Production in an Era of Globalization / Z. Baber // *Current Sociology*. — 2003. — Vol. 51. — № 6. — P. 615—623.

26. *Олейник, А. Н.* Диалог в науке и обществе. Дефицит общения в науке: институциональное объяснение / А. Н. Олейник // *Общественные науки и современность*. — 2004. — № 1. — С. 41—51.

27. *Heimeriks, G.* Changes or transition? Analysing the use of ICTs in the sciences / G. Heimeriks, E. Vasileiadou // *Socia Science Information*. — 2008. — Vol. 47. — № 1. — P. 5—29.

28. *Ehikhamenor, F. A.* Informal Scientific Communication in Nigerian Universities / F. A. Ehikhamenor // *Journal of the American Society for Information Science*. — 1990. — Vol. 41. — № 6. — P. 419—426.

29. *Barjak, F.* The Role of the Internet in Informal Scholarly Communication / F. Barjak // *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. — 2006. — Vol. 57. — № 10. — P. 1350—1367.

30. *Мирская, Е. З.* Новые информационно-коммуникационные технологии в российской академической науке: история и результаты / Е. З. Мирская // *Социология науки и технологий*. — 2010. — Т. 1. — № 1. — С. 127—139.

Дата поступления в редакцию: 15.02.2013 г.